

— Госпожа, беда! — Хэйтан в панике влетела во двор, разбудив Сяо Лань, которая в это время крепко спала.

Сяо Лань поднялась, сунула ноги в туфли, даже не потрудившись поправить примятые задники, и, шаркая, дошла до стола. Она уселась, налила себе чашку остывшего чая и залпом выпила. Когда напиток успокоил желудок, выражение её лица заметно смягчилось.

— Ох, госпожа! — Хэйтан, не обращая внимания ни на что другое, выхватила у неё чашку. — Матушку Сюй схватили!

Хэйтан ждала, что Сяо Лань переменится в лице, но та лишь взяла другую чашку и снова приложила к ней. Хэйтан тут же расплакалась:

— Матушка Сюй столько лет при вас, она ведь по вашему поручению попала в немилость к хозяину, неужели вы останетесь в стороне?

В этот момент в комнату вошла Моли с тазом горячей воды. Она ловко оттеснила Хэйтан в сторону:

— Перестань зря волноваться, скоро она вернется. Ты вообще когда эту новость услышала?

— А? — Хэйтан растерялась, но не успела ничего уточнить, как услышала шаги матушки Сюй.

Обернувшись, она увидела, что та ковыляет со двора, придерживая рукой растрепанную прическу. Синяки на лице ещё не сошли, и выглядела она крайне жалко. Несмотря на то, что матушка Сюй любила поучать, она никогда не притесняла служанок и частенько делилась с ними добром, поэтому Хэйтан питала к ней теплые чувства. Увидев её в таком состоянии, она бросилась на помощь.

— Хозяин совсем ожесточился, как же можно так бить пожилую женщину! — приговаривала она, роняя слезы.

Матушка Сюй замахала руками:

— Нет-нет, все в порядке. Это все наложница Фан, она вцепилась.

— Наложница Фан? Опять сошла с ума?

— Именно, опять. И ещё сильнее прежнего, чуть до смерти не затащила меня по каменной дорожке! Ой, не будем об этом, не будем! Госпожа... — Матушка Сюй, обращаясь к Хэйтан, торопливо направилась в дом.

Увидев, что матушка Сюй пострадала, Сяо Лань вышла ей навстречу и вместе с Хэйтан помогла той сесть во дворе.

— Принеси лекарство от ушибов, — распорядилась Сяо Лань. Сама она опустилась на корточки, сняла с матушки Сюй обувь и носки, чтобы осмотреть травмы.

— Не стоит... не стоит... — матушка Сюй попыталась отстраниться, но от боли не решилась двигаться.

— Ты пострадала из-за меня, так что я обязана тебя лечить, — Сяо Лань взяла из рук Хэйтан коробочку с мазью. При открытии пахнуло тигровым бальзамом.

Матушка Сюй вдруг опустилась на колени:

— Госпожа, я виновата перед вами!

Сяо Лань попыталась её поднять, но та упрямилась:

— Я не смогла передать письмо барышни! Я никчемная, я бесполезная! — она замахнулась, собираясь ударить себя по лицу.

Сяо Лань не могла её удержать, Хэйтан тоже пыталась успокоить женщину, и во дворе снова поднялся шум.

— Матушка Сюй! Хозяин тебя хоть как-то притеснял? — неожиданный вопрос Сяо Лань заставил женщину замереть.

Та попыталась вспомнить детали:

— Слуги вырвали письмо, я пыталась отбить его, мы сцепились... Потом пришел хозяин, забрал письмо, тут же распечатал его и велел мне уходить... Если говорить о притеснениях, то нет, такого не было.

Она покачала головой и затихла.

— Вот видишь. Если он даже тебя не тронул, то и меня не тронет. К чему так терзать себя? Ты хоть и служишь мне, но всегда старалась изо всех сил. Даже если бы это дело не выгорело, тебе не в чем себя винить.

Увидев, что матушка Сюй перестала себя бить, Сяо Лань и Хэйтан помогли ей подняться.

— Выгорело? — матушка Сюй переспросила, не веря своим ушам. Она в недоумении посмотрела на Сяо Лань, а затем на Хэйтана. — Что именно выгорело?

— То, что он тебя схватил — это и есть успех, — теперь, когда во дворе были только свои, Сяо Лань решила говорить прямо.

Она нанесла мазь на пальцы и осторожно стала втирать в ссадины на ноге матушки Сюй. Та все ещё не могла прийти в себя, позволяя госпоже ухаживать за собой.

— Госпожа сделала это нарочно? — Моли, подошедшая сзади, забрала мазь и продолжила растирать ногу матушки Сюй. Сяо Лань не возражала и присела в стороне.

— И то, что написано в письме, и выходка наложницы Фан — все это было подстроено вами? — догадалась Моли.

Сяо Лань взглянула на неё, похвалив взглядом за сообразительность, и кивнула. В воздухе повисла тишина. Каждая из них погрузилась в свои мысли, понимая все без лишних слов.

— Теперь госпожа действительно хочет обеспечить нам достойную жизнь, — Моли вложила баночку с мазью в руки Хэйтана, напевая под нос, вернулась в комнату, чтобы вынести горячую воду и обтереть лицо матушки Сюй. Та попыталась было отчитать её за отсутствие манер, но, увидев, что Сяо Лань тоже настаивает на умывании, сдалась.

Тем временем Сунь Шаохуа вернулся в кабинет и снова развернул письмо Сяо Лань, которое лишь мельком просмотрел ранее. Почерк казался обычным, но в движениях кисти чувствовалась слабость — было видно, что пишущий едва держит перо.

Родители мои достойные:

Ваша дочь не оправдала надежд. Здоровье мое угасает, боюсь, недолго мне осталось в этом мире. Причинить вам, родителям, боль — видеть, как седовласые хоронят детей — величайший мой грех. Страшась видеть вашу скорбь, не смею предстать перед вами.

Молю вас в будущем оказывать поддержку семье Сунь, дабы обеспечить благополучие моего сына.

Доходы от лавок и усадеб ныне не те, что прежде, опасаясь, что вкрались в дела злоумышленники. Муж мой — человек ученый, натура чистая, в торговых делах не сведущ. Прошу вас помочь провести тщательную проверку, дабы не позволить обманывать его.

Также распоряжаюсь следующим: оставить матушку Сюй присматривать за Синь'эр, а Моли и новую служанку Хэйтана вернуть в усадьбу Сяо. Прошу вашего согласия.

Желаю вам крепкого здоровья. За доброту вашу и воспитание отплачу в следующей жизни.

Ваша дочь Сяо Лань склоняется в поклоне.

Сунь Шаохуа положил письмо на стол. Вернулся Чи Юй, которого до этого не было рядом.

— Расспросил? — Сунь Шаохуа поднял голову.

— Я все узнал. Матушка Сюй несколько дней суетилась, искала людей, и только сегодня нашла способ выбраться, но тут вмешалась наложница Фан, — Чи Юй доложил обо всем, что удалось выяснить.

— Когда это началось?

— В тот самый день, когда вы, господин, навещали госпожу.

— В тот же день отправила? — сердце Сунь Шаохуа дрогнуло.

— Как только вы ушли, матушка Сюй сразу же отправилась разузнавать.

Сунь Шаохуа задумался. Помолчав, он спросил:

— Как госпожа чувствовала себя все эти дни?

Редкость этого вопроса удивила Чи Юя. Что же было в этом письме? Хочет ли теперь хозяин, чтобы госпожа умерла поскорее, или наоборот? Впрочем, что бы ни случилось, он в любом случае постарается защитить Хэйтан, а если получится — выпросить её себе в жены. Ему очень нравились её пухлые щечки, а мать говорила, что такие женщины приносят удачу.

— С тех пор как вы отдали приказ, госпожа, кажется, пошла на поправку. Но болезнь затянулась, она все ещё делает лишь несколько шагов и вынуждена отдыхать, — ответил Чи Юй.

Сунь Шаохуа махнул рукой, отпуская слугу. Оставшись один, он смотрел на помятое письмо, которое матушка Сюй так отчаянно защищала — или, вернее сказать, на предсмертную записку.

Он убрал письмо Сяо Лань, написал новое, торжественно скрепил его личной печатью и велел Чи Юю немедленно отправить его без промедления.

В тот день слуги шептались, что в письме госпожа, должно быть, пожаловалась на хозяина! Тот был так взбешен, что отказался от ужина и выгнал Чи Юя за дверь.

На следующий день слухи в усадьбе стали ещё громче: хозяин весь день просидел в кабинете один, а к ночи и вовсе остался там спать. Он не принял даже матушку Юй, пришедшую с приглашением, и не пустил к себе наложницу Хэ.

<http://bllate.org/book/21470/2196839>